

УДК 12

ОБЩЕСТВО В НООСФЕРНОМ РАКУРСЕ

Шоркин А.Д.

В работе формируется ноосферный подход к проблеме соотношения ресурсов демографического развития и социальной интеграции.

Ключевые слова: баланс ресурсов, символические ресурсы, социальные стандарты инкультурации.

В качестве изобразительного приема ракурс используется для создания перспективной глубины размещенной на плоскости картины. Нужный ракурс конструктивно дополняет пространство измерений изображаемого предмета, позволяет приблизиться к его подлинным очертаниям. Нечто подобное время от времени происходит и в научных дискурсах. В новом и неожиданном ракурсе многое начинает выглядеть по-другому: прежние общепринятые банальности и аксиомы теряют статус неприкосновенности, а некоторые былые споры кажутся мелкими или даже бессмысленными, потому что новым ракурсом предложены иные способы постановки и номенклатуры актуальных научных проблем.

Только здесь, в науке (в отличие от пестрой палитры культурного разнообразия и субъективной оригинальности ракурсов перспективных построений в изобразительном искусстве) ценятся лишь очень немногие из ракурсов, – а, именно, те из них, которые универсально применимы, многократно апробированы и эффективны. В философии науки они называются парадигмами, научно-исследовательскими программами, новыми фундаментальными теориями или, когда речь идет о чем-то менее универсальном, подходами. Случайный или эпизодический ракурс, возможно, эвристически полезный отдельному исследователю для решения частной задачи, либо вовсе исчезает при презентации полученного результата (и таким образом научным сообществом игнорируется), или должен пройти жесточайшую проверку, чтобы стать полноправным, принятым научным сообществом подходом.

Сложившееся к настоящему времени учение о ноосфере пока далеко не отвечает высоким требованиям парадигмальной мощи. Не доросло оно и до уровня фундаментальной теории. Неясно также, может ли ноосферология претендовать на статус междисциплинарного подхода (речь идет сейчас не об оптимистических и претенциозных мнениях отдельных исследователей, а об объективном, институциональном статусе), и даже найдет ли она свое место и сможет ли упрочить его в ряду сложившихся дисциплин. Точнее и честнее поэтому говорить о новом ракурсе видения многих известных и насущных проблем, который открыт учением о ноосфере. Становление и признание ноосферологии в качестве

общенаучного или междисциплинарного подхода (а в будущем – и ноосферной парадигмы) зависит от того, насколько эффективными и перспективно глубокими окажутся те «картинки», те изображения реальности, которые получены в ноосферном ракурсе.

Цель настоящей статьи – построить изображение общества в ноосферном ракурсе и так способствовать становлению ноосферного подхода.

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ИГРЫ С ОБЪЕКТОМ

Признанию ноосферы в качестве предмета научного изучения, а, тем более, как основы научного подхода довольно заметно препятствует широкое распространение ее умозрительных метафизических трактовок. В них природа разума ноосферы непринужденно расширяется до сверхчеловеческого – божественного (в религиозных истолкованиях авторов термина «ноосфера» Леруа, Шардена и их последователей), до «тонких миров» и «космического сознания» приверженцев эзотерики и герметического знания, или до «планетарного разума» мыслящей Геи. Метафизика, правда, не столь прямого натурфилософского характера, как у этих ноосферологов, издавна составляет особую и нужную часть знания, является ядром философии. Но вне этого ядра как раз и начинается философия как наука, предметом которой являются уже не спекуляции, а реалии жизни и культуры. В общем, там, где начинается метафизика, наука заканчивается, что хорошо заметно на примере философии, которая и наука, и не-наука.

Научная трактовка ноосферы восходит к В.И. Вернадскому. Она далека от всякой метафизики, и базируется на многочисленных, очевидных и несомненных фактах антропогенного воздействия на биосферу: *ноосфера – это такое реальное «состояние биосферы», в котором инкорпорированы ведомые разумом человека его преобразующая и познавательная активность*. Однако под «ноосферой» зачастую также понимается нечто совершенно иное, возможно, более возвышенное и притягательное (например, некое «духовно-информационно-энергетическое образование» [8, с. 10], или ее трактовка как «планетарной ментальной оболочки, телепатичной мережі уніфікованої свідомості навколо Землі» [3, с. 132]), но отнюдь не прозаическое «состояние биосферы». Подобные распространенные умозрительные спекуляции компрометируют статус этого понятия в глазах многих естествоиспытателей, затрудняет нужное развитие и институционализацию учения о ноосфере, его включение в дисциплинарную матрицу современной науки.

ВЫДЕЛЕНИЕ И ИНКОРПОРИРОВАНИЕ

Другой помехой достижения цели настоящей статьи является, чуть ли не общепринятое в социальной философии антиноосферное, по сути, истолкование общества: как «выделившегося из природы образования». К этому привычному, проникшему в словари и учебники противопоставлению природы и общества Макс Шелер, лидер философской антропологии, добавил в качестве антитезы тому и другому категорию «человек». В итоге строение ноосферы, о чем мне неоднократно приходилось слышать и читать, якобы образовано тремя блоками (природой,

обществом и человеком), а ее исследование заключается в изучении взаимодействий между ними.

Спору нет, такие взаимодействия изучать и оптимизировать нужно. Верно и то, что человек отграничивает себя от естества искусственной оболочкой артефактов, социальных институций и многих иных культурных конструкций и норм. Да, человек способен выделить себя из природы (хотя бы благодаря наличию рефлексии) и даже противопоставить себя ей (уже по недостатку знаний и неоправданной самоуверенности). Бесспорно, что он – не только продукт естественной эволюции, сколько продукт культуры.

Но все такие действительно важные вещи составляют лишь второй, «задний» план ноосферного ракурса: в нем существенно не то, как человеческое общество *выделилось* из природы, а то, как в современное состояние биосферы оно *инкорпорировано!* В трактовке ноосферы В.И. Вернадского природа и общество отнюдь не составляют каких-то ее отдельных блоков, в ноосферном ракурсе надлежит исследовать, прежде всего, и именно те аспекты общества, которым присущ биосферный характер (точно так же как в природе следует непременно разглядеть те ее новые черты, которые прорисованы в ней человеком). Непривычность и странность понятия «ноосферы» и состоит то в первую очередь в том, что им абстрагированы, поглощены, в значительной степени стерты и понятие природы, и понятие общества, и понятие человека. Их вот так, по отдельности, в ноосферной реальности нет, там нужно увидеть не то, что их обособливает, а некое объединяющее начало, затеняющее и уводящее на второй план различия между ними.

Здесь человек – это, прежде всего, представитель фауны, один из *естественных* биологических видов, *Homo Sapiens*, а его культурная составляющая учтена в тех способах, которыми люди объединяются и взаимодействуют, конкурируют с другими видами, потребляют природные ресурсы и так способствуют (или препятствуют) демографическому развитию. Общество в ноосферном ракурсе – это, прежде всего, одна из многих различных форм объединений особей того или иного биологического вида, способствующих их выживанию. Колония муравьев или термитов, рой пчел, стая птиц или львиный прайд в ноосферном ракурсе составляют один исследовательский ряд, куда включено и человеческое общество. Главный из вопросов здесь заключается в нахождении группы ноосферных параметров, которые были бы инвариантны для данного ряда, и с помощью которых можно было бы описать, пояснить и осуществить прогноз успешности популяционного развития этих объединений.

Задачу эту можно решить в том случае, если удастся наладить взаимодействие представителей разных специальностей – микробиологов, экологов, энтомологов, зоопсихологов и иных, включая социологов. Уже накопленные ими сведения (да и просто здравый смысл) позволяют утверждать, во-первых, что любое из этих объединений по-своему совершенно, – иначе данные биологические виды были бы обречены; а также, во-вторых, что человеческое общество меняется чаще, кардинальнее и быстрее, чем все другие объединения. Строго говоря, «человеческого общества» (в том смысле, что оно объединяет всех людей) не существует, но есть множество разнообразных, меняющихся и конкурирующих друг с другом консолидаций людей. Для всех других видов живого такое

разнообразие способов консолидации характерным не является. Возможно, разнообразие обществ сопряжено с более высоким адаптационным потенциалом Homo Sapiens в сравнении с другими видами, но также не исключено, что высокие расходы ресурсов на эти перманентные перемены и на соперничество могут оказаться для демографического благополучия чрезмерными или катастрофическими. Справедливые опасения вызывает и энергетическая вооруженность человека, достаточная для уничтожения всей биосферы. «Выделиться из природы» обществу, таким образом, можно лишь настолько, чтобы не деформировать его инкорпорированности в ноосферу до такой степени, когда оно рискует остаться в каких-то метафизических бестелесных эмпиреях само по себе, без живых людей с их вполне биологическими организмами и витальными потребностями.

Не прибавляет ясности к идентификации общества и стандартная словарная ссылка[6] на «системность» этого «образования», – а какое, собственно, «образование» таковым не числится? И уж совсем тавтологична попытка пояснить «общество» посредством указания на наличие в нем меняющихся с жизнедеятельностью людей «социальных институтов». Особенно ничего не изобретая, а в основном подытоживая ранее известное, примем его следующее рабочее определение: *общество – это консолидация людей, основанная на разделении труда, обменах продуктами труда, матримониальных обменах и кровнородственных связях.* Очевидно, оно открыто для критики, но в качестве рабочего вполне пригодно: во-первых, применимо к обществам разного типа, в том числе к потестарным, а, во-вторых, достаточно развернуто для ноосферного истолкования.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КОНФУЗ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ

Актуальная потребность в развертывании ноосферного ракурса современного общества подчеркнута резким демографическим спадом, которому с последней трети XX века оказались подвержены отнюдь не традиционные общества, а именно так называемые «развитые общества». Подразумеваемое превосходство «Третьей Волны» или инновационная эффективность «Великого Разрыва», откровенная претензия на прогрессивность «информационного» или «постиндустриального» общества странным образом сочетаются с тем фактом, что в странах, охваченных подобными переменами, эндогенная популяция вида Homo Sapiens оказалась в тренде депопуляции. Если бы люди жили только в этих странах, то можно было бы уже прикидывать, когда наш вид станет редким и исчезающим. В планетарном масштабе несколько последних столетий экспоненциального взлета численности населения сменились в последние десятилетия растущим торможением прироста, и среди демографов дискуссия ныне идет лишь о том, когда он станет нулевым, на какой отметке «счетчик» замрет, и начнет ли он «крутиться» в обратную сторону. Экологи к этому добавляют, что нас и так, еще до достижения максимума, слишком много. В общем, получается, что раньше общества были устроены таким образом, чтобы способствовать демографическому приросту, а ныне в них начали доминировать иные механизмы, которые ему препятствуют, – возможно, новые, а,

возможно, просто законсервированные, которые и прежде время от времени пускались в дело.

Новые структуры демографического торможения исследователи почти всегда стремятся отыскать среди социальных институтов. Статистически достоверно, например, что открывшиеся вакансии в новой «сфере услуг» заполнялись, прежде всего, женщинами, и за вторую половину XX века число работающих женщин репродуктивного возраста возросло примерно вдвое (до 70 – 90% в разных странах). Рост этот может быть представлен логистической кривой с точкой перегиба, приходящейся на начало 70-х годов, и именно в 70-е годы, как показывает статистика, общий уровень рождаемости в «развитых странах» снизился и опустился ниже критического порога демографического воспроизводства. С середины 60-х на протяжении 15-20 лет в два-три раза там возросло число разводов, а внебрачная рождаемость к концу века в ряде этих стран превысила третью часть от общего уровня рождаемости. Кризис прежнего института нуклеарной семьи (в Осло 75% семей состоят из одного человека, – чем не «чума» и трагедия одиночества!) часто увязывается с эрозией морали и ростом индивидуализма. Вторая половина XX века, как свидетельствует статистика преступлений, характерна ростом уровня насилия и, особенно, уровнем краж, в некоторых «развитых» странах выросшим за это время на порядок. Все эти социальные явления, действительно, синхронизированы во времени и взаимосвязаны.

Но можно ли аргументировано утверждать, что какое-то из них явилось причиной другого? Скажем, что женщины перестали рожать потому, что пошли на работу, или оттого, что появились оральные контрацептивы? А, может быть, создание и распространение эффективных контрацептивов было ответом на исходное нежелание иметь детей, и на работу они отправились, потому что сочли это более предпочтительным, чем сидеть с детьми дома? Или вообще причина демографического спада и все перечисленные негативные социальные перемены укоренены в кризисе морали?

Фрэнсис Фукуяма, который называет эти социальные перемены второй половиной XX века «Великим Разрывом», предпочитает их исследовать «по отдельности», ибо общие объяснения «оказываются неудовлетворительными» (что, впрочем, не мешает ему все же утверждать, что суть сдвига ценностей заключается «в росте морального индивидуализма» и «миниатюризации общества») [10, с. 111, 131]. Элвин Тоффлер в концепте «Третьей волны» уделяет основное и заслуженное внимание позитивным аспектам происходящих перемен, но, в частности, противопоставляет «детской наивности» попыток поддержки нуклеарной семьи ныне складывающееся «потрясающее разнообразие типов семьи: гомосексуальные браки, коммуны», договорные и серийные браки и прочие разнообразные группы [9, с. 342-343, 351]. Понятно, что исследователь не ожидает бэби-бума от гомосексуальных браков, – просто демографическая проблематика, увы, его вовсе не интересует. Похоже, что здесь ребенок «выплеснут с грязной водой» почти буквально.

Как видим, авторы социально-философских бестселлеров или игнорируют такой ноосферный параметр общества, как демографическое благополучие, или фактически ограничиваются изящными демонстрациями той банальной правды, что современный его тренд находится в корреляции с другими социальными

особенностями и переменами. Причины же происходящего демографического спада эндогенной составляющей «развитых обществ» так и остаются ими не проясненными.

Профессиональным демографам и демологам (как они себя зачастую именуют) удалось пояснить множество конкретных историко-культурных социально-экономических ситуаций, связанных с уровнями народонаселения, его плотностью, ростом, или упадком. Правда, как правило, постфактум. В отношении же прогностики они предпочитают использовать не собственные имеющиеся теории, а простые и надежные эмпирические инструменты, – например, «возрастную пирамиду» (процентный состав населения по возрасту и полу) или «брутто-коэффициент», который соотносит количество новорожденных девочек к числу женщин репродуктивного возраста. Дело не только в том, что множество возможных факторов, определяющих демографические состояния, оказалось слишком большим и разнородным: реально влияет то одна, то совсем иная их группа. Главное затруднение состоит в том, что один и тот же фактор, например, низкий уровень пищевых ресурсов, в сочетании с некоторыми другими влияниями может действовать в противоположных направлениях: как способствовать, так и препятствовать демографическому росту, чему есть много примеров.

К достоинствам демологии можно отнести иное. Прежде всего – аксиоматическую увязку с типами обществ: в «теории демографического перехода» Фрэнка Ноустайна все общества входят в одну из трех групп, выделенных по видам хозяйствования и по ключевым демографическим характеристикам. Кроме этого, в «транзитивной теории демографических революций» А. Ландри построены модели равновесных демографических состояний, выделены синхронные и асинхронные факторы их поддержки и смены. Особенно проработаны (как в традициях марксистской традиции, так и ее оппонентами, ведомыми Альфредом Сови) связи демографии и экономики; появился даже и продуктивно используется объединяющий их довольно неуклюжий, на первый взгляд, термин – «демоэкономика». Но, повторю, разработанными в демологии теоретическими средствами, как считают и сами демографы, пока не удается пояснить все множество известных прецедентов и наличных проблем, а для прогнозов обычно используются, как уже выше отмечалось, операциональные показатели эмпирического свойства [4, с. 88-90].

Нужная теоретическая «рамка», таким образом, пока не задана ни социальной философией, ни демологией. Надеюсь, ее поиску сможет способствовать проработка ноосферного ракурса общества.

ВИДЫ РЕСУРСОВ

Общество можно и нужно изучать посредством анализа ресурсов, расходуемых по двум главным «статьям»: на *демографическое обеспечение и развитие*, а также на *социальное структурирование и интеграцию*. Мы не можем выжить поодиночке, а потому вносим определенный взнос для поддержки консолидации. Точно так поступают все другие биологические виды, нуждающиеся в объединениях особей, – в стаи, стада или рои. Пчелы кормят матку и содержат трутней, а мы платим налоги, содержим власть и спонсируем науку, церковь или искусство. Пчелы «тратят» на

свое «общество», скорее всего, меньше, чем мы, но консолидации людей за многие тысячелетия сделали вид *Homo Sapiens* из «редкого» – «распространенным», а, значит, в популяционном отношении исторически оказались гораздо эффективнее. Однако чрезмерные в какой-то определенной ситуации расходы потребных ресурсов на социальное структурирование и интеграцию, как показывают многочисленные наблюдавшиеся в истории факты, много раз приводили к коллапсу, к демографическому краху и гибели обществ [1].

Словом, калькулировать и оптимизировать расходы ресурсов нужно, и не только в связи с риском их истощения, но также для того, чтобы понять причины нынешнего демографического провала эндогенного населения многих, в том числе, «развитых» стран. Чтобы корректно оценить его последствия и риски, составить карту возможных сценариев развития ситуации и наметить перечень политических, экономических и иных мер, способствующих желательным сценариям.

Потребляемые ресурсы целесообразно разделить на три их вида: *материальные, темпоральные и символические*. К материальным ресурсам относятся органические и неорганические вещества, и их поля (в том числе растительный и животный миры, земля, вода, полезные ископаемые, искусственные вещи, сооружения и ландшафты), а также разные виды энергии: от тепловой и световой – до электрической и ядерной, от открыто демонстрируемой энергии мускул человека и животных – до скрытой в хитрости рычага и лука, или воплощенной и потаенной в технической мощи экскаватора и космической ракеты. Материальные ресурсы исходны в генерировании ресурсов двух других видов – темпоральных и символических.

Темпоральные ресурсы операционально определяемы количеством затраченного для достижения цели времени, его запасом или нехваткой. Его иногда «не знаешь, куда девать», но чаще темпоральный ресурс переживается сакраментальной формулой «время – деньги». Наличие свободного времени личности многими социологами полагается ключевой предпосылкой личностного роста. Понятия «репродуктивного возраста» или «средней продолжительности жизни» в демографии выражают другие аспекты темпоральных ресурсов, как и обычные сетования пожилых людей, что жизнь коротка, и проходит слишком быстро. Если родители не уделяют своим детям достаточного времени, то это, как правило, сказывается на социализации в негативном плане (при условии нормальности родителей). Мы расходует время, когда занимаемся общественными делами, служим в армии, митингуем или идем голосовать. Нам нужно время на сон и еду, на секс и гигиену. Мы уделяем время молитве и чтению, прогулке в парке и экспонатам музея. Часть своего времени мы отдаем обществу, другую – тратим на себя, а также посвящаем его своим детям, друзьям и близким. Это замечательно, потому что в тех нередких случаях, когда человеку некуда тратить свое время, им овладевает скука («зевок небытия», как говорит Хайдеггер), жизнь становится пустой и теряет смысл. Но вот как именно и насколько оптимально люди расходуют этот драгоценный невосполнимый ресурс? Насколько суэта повседневности, в которую мы вовлечены, отвечает ноосферной гармонии и смысложизненным ориентирам персоны?

Обозначив так некоторые важные философские и антропологические применения ноосферного ракурса проблемы ресурсов, вернемся, тем не менее, к самой этой проблеме. Когда человек расходует время, то всегда, хотя бы косвенно и

незначительно, тратит также материальные ресурсы – вот почему они исходны. Прогуливается ли человек, наслаждаясь уединением, или обменивается вежливыми репликами с соседом, – для любых подобных актов, не связанных с прямыми материальными издержками, косвенные, тем не менее, неизбежны: хотя бы потому, что в это время набегают проценты по кредитам, изнашивается одежда и приходит время обеда.

Исходность материальных ресурсов, однако, не означает их доминирования, и в очень многих важных для всех нас ситуациях наличие или недостаток именно темпоральных ресурсов оказывается самым главным. Утрата молодости не компенсируется никакими материальными затратами, а от смерти, как говорится, не спасет никакое богатство. Выигрыш во времени зачастую оказывается решающим в бизнесе, военной баталии или спортивной игре, упущенное время – это всегда упущенные, в том числе материальные, возможности. В общем, не стоит измерять время своей прогулки или общения потерянными деньгами: чье-то профессиональное время (бизнесмена или крупного специалиста), действительно, может стоить очень дорого, но оно – другое время, из иной составляющей его общего баланса. Темпоральный ресурс, таким образом, хотя и связан с материальным, но является от него достаточно независимым и, несомненно, столь же полноценным.

Третий из видов ресурсов, посредством которых люди формируют нужное им общество и осуществляют демографическое развитие, назовем *символическими ресурсами*. К ним относятся уважение и доверие, красота и отвага, честность, ласка, похвала или любовь, – их перечень обширен и открыт. Поощрить ребенка можно материально, конфетой или новой игрушкой, а можно – символически, погладив по голове и похвалив, что происходит (и правильно!) гораздо чаще. Отшельники и гуру, земские врачи и сельские учителя окружались не богатством, а почтением. Разнообразие и реальное мощное влияние символических ресурсов довольно очевидно, но, тем не менее, остается недооцененным. В социальной философии они чаще всего в обобщенном и недифференцированном виде принимаются в качестве морального фактора, производного от социальных отношений, хотя и влияющего на их развитие. В итоге все сводится к надоевшему морализаторству, популярному еще от Плутарха, или к заклинаниям-клише, с которыми никто не спорит, но и не воспринимает всерьез. К немногим исключениям принадлежит активно разрабатываемая трактовка доверия как основы так называемого (Джеймс Коулман) «социального капитала». Однако и здесь ресурсы слабо сопоставляются с друг другом в плане их координации и почти никак – в плане замещения.

Например, путь достижения сотрудничества вместо стратегии обмана (последняя наилучшим образом подходит для соперничающих игроков-мошенников, – в теории игр эта ситуация называется «дилеммой заключенного» и описывается «равновесием Нэша») Фрэнсис Фукуяма вслед за Робертом Аксельродом находит во многократном повторении, «интернировании» такой игры, – пока игроки не поймут, что сотрудничество может быть выгоднее обмана [10, с. 233-234]. Между тем, и для повторения попыток смухлевать, и для долгого пути к осторожному сотрудничеству может попросту не хватить времени. Современные темпы жизни, скорость перемен в научно-технической цивилизации резко уплотнили ход времени, привели к гораздо более высокой его цене, к частой

дефицитности темпорального ресурса. Интернированность, конечно, иногда приносит (и будет приносить) позитивные результаты, но отнюдь не может быть предложена в качестве основного пути преодоления стратегий обмана.

Учет и координация ресурсов, которые в традиционных социальных исследованиях могут быть затруднены или казаться второстепенными, приоритетны и очевидны в ноосферном ракурсе общества. Социальная специфика и динамика в главных своих чертах получает неявное ресурсное освещение даже и в традиционной социологии: ведь когда мы означаем общества в качестве, скажем, «аграрных», «индустриальных» или «охотников и собирателей», то имеем в виду те преимущественные, правда только материальные, ресурсы, которые в них производятся и потребляются. О диапазонах, последствиях и перспективах замещения ресурсов одного вида – другими говорится крайне мало, большей частью случайно, «к слову», – в качестве необязательного приложения, эдакой намекающей эссеистической сентенции. Между тем от успешности замены некоторых материальных ресурсов символическими, скорее всего, зависит, не окажется ли современное общество в коллапсе, и насколько открывающиеся перспективы будут рискованными и даже угрожающими для самого существования вида *Homo Sapiens*. Ресурсы ведь достаточно асимметричны: материальные выгодно накапливать и, как и темпоральные, не выгодно расходовать, а последние невозможно накопить, а можно только экономить; символические же, напротив, наиболее выгодно применять, их не нужно экономить, хотя и следует оберегать. Насколько эффективно вовлечены символические ресурсы наряду с материальными и темпоральными в процессы демографии и формирования общества?

ГРУППОВЫЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Социальное структурирование и интеграция нуждается в ресурсах, используемых для осуществления групповых идентификаций. Принадлежность (и непринадлежность) индивидов к некому объединяющему их целому, прежде всего, необходимо как-то маркировать. В пресоциальных формах консолидации одним из главных индикаторов различия «своих» и «чужих» является запах. Способы групповых идентификаций *Homo Sapiens* гораздо более разнообразны и многочисленны, – к ним относятся, например, языки и дресс-коды, гимны и флаги, церкви, обычаи и традиции, искусство и литература. Успешное выступление национальной сборной по футболу или победа на Евровидении иногда сплачивают людей сильнее идеологических доктрин. Запах как маркер иногда также сохраняет свое значение (вспомним хотя бы нашу стандартную реакцию на соседство бомжа), но первостепенны теперь иные, более сложные и дорогостоящие способы идентификаций. На их поддержку мы расходует значительные ресурсы, но без групповых идентификаций нет и никакого общества.

Тотемические общины охотников-собирателей были обособлены и сплочены сильнее, чем современные общества, на что, однако, расходовали, скорее всего, значительно меньше ресурсов. Они, конечно, не столь в этом отношении «рациональны», как пчелы или муравьи, но гораздо рачительнее нас, своих далеких потомков. Большая часть ритуалов была вплетена в повседневную хозяйственную жизнь, в основном подпитываясь символическим ресурсом, и не требовала

значительных материальных и темпоральных вложений; жертвоприношения тотему или духам обходились несравненно дешевле строительства пирамид, храмов и организации церковной работы. Подросток, который довольствуется для своей групповой идентификации прической «ирокез» и молодежным сленгом, к материальным ресурсам относится рачительнее своего отца, которому необходимы автомобиль последней марки и членство в клубе, где нужно долго скучать и за это много платить. Я не сказал – мудрее, потому что подросток просто лишен доступа к ресурсам в той мере, в какой она есть у отца. Чем общество богаче, тем больше ресурсов оно предназначает для групповых идентификаций, и тем меньшую, к сожалению, долю в этих затратах составляют символические ресурсы.

Родной язык – это близкий к идеальному прецедент чистоты символического ресурса, который любой из людей получает на самых ранних стадиях инкультурации, в дар. Каждый из нас помнит себя уже говорящим. Мы почти не нуждаемся для его освоения в специальных ассигнованиях или каких-то материальных вещах, и тратим свое время только позднее и тех случаях, когда хотим усовершенствовать свою речь или овладеть письмом. Овладение новым, не родным языком, напротив, требует многих усилий, времени и прочих расходов и неудобств. Иными словами, он перестает быть в таких случаях символическим ресурсом, каковым является в той группе, для которой он – родной, бесплатный и вмещает весь мир. Не потому ли в ситуациях конкурентной борьбы за недостающие ресурсы, которыми общество привыкло располагать (как у нас в Украине), групповые идентификации на основе языков резко актуализируются?

Литература и искусство, также составляющие скрепы групповых символических определенностей, в сравнении с языком сопряжены с большим потреблением материальных и темпоральных ресурсов. Они уже не дар, а в лучшем случае – прекрасное наследие, которое нужно изучать и в которое можно вчувствоваться, для чего нужны квалифицированные наставники, нужно время, потребна работа сердца и ума. Общество оплачивает результаты творческого труда литераторов, художников и музыкантов, по большей части скудно, хотя иногда и неоправданно щедро. В прямом и плоском биолого-демографическом смысле любые такие затраты, однако, как ни кощунственно это звучит, бессмысленны и бесполезны. Один из современных писателей, Ханиф Курейши, главное предназначение культуры (литературы, театра, прессы) вообще усматривает даже и не в социализации людей, а в вынужденном «напряженном диалоге» людей с порожденным ими же государством [7, с. 390]. Но, все же подразумевается нами, получаемый от искусства и литературы символический ресурс групповой консолидации («Пушкин – наше всё») бесспорно оправдывает расходы нужных для этого материальных и темпоральных ресурсов.

Между тем, известны многие исторические прецеденты недопустимого уровня расходов материальных ресурсов на символику групповых идентификаций, которые приводили к существенным трудностям и даже способствовали гибели обществ. Британские переселенцы, стремясь быть верными «давней и доброй» традиции охоты на лис, завезли для этого в Австралию кроликов, которые истребили впоследствии половину пастбищ. Столь же настойчиво, как кроликов старались приживить (успешной оказалась только пятая попытка), теперь приходится тратить колоссальные ресурсы для их ограничения. Мимоза и криптостегиа, которые на

новом месте были призваны украшать подворья, воспроизводить буколические пейзажи «доброй старой Англии», обернулись для местной австралийской флоры настоящими монстрами и неистребимыми сорняками. У Джареда Даймонда можно найти астрономические цифры, которыми экономисты оценивают понесенные убытки за подобные способы оставаться «настоящими британцами».

Еще более трагичными оказались последствия способов групповой идентификации викингов, которые на несколько столетий организовали свою общину в Гренландии. Приверженность к европейским нормам организации церковной жизни в условиях слабого контакта с материком (когда корабли доставляли не более трех килограммов груза в год на одного колониста), привела к тому, что в составе доставляемых грузов цветное стекло для витражей, бронзовые колокола, подсвечники, вино для евхаристии и прочая церковная утварь вытеснили железо. А без него викинги утратили военное преимущество перед индейцами инуитами. Кроме того, викинги не ели рыбу: возможно, после того, как их первопроходчик и предводитель Эйрик Рыжий ею отравился, утвердилось общепринятое мнение, что «порядочные гренландцы не чета оборванцам-рыбьедам». На население в пять тысяч человек приходилось 14 церквей и два монастыря. Сначала пришлось отказаться от европейской моды в одежде, потом пришлось есть «презренных» коз и тюленей. Но даже перед угрозой голодной смерти поселенцы оставались, охраняя идентичность, недопустимо консервативными: у «скерлингов» (как они называли своих главных конкурентов, что буквально значило «жалкие люди») они отказывались перенимать и рыбоедение, и эффективные, самые совершенные для того времени технологии охоты на кольчатую нерпу и китов. «Самосохранение в социальном отношении значило не меньше, чем биологическое самосохранение, и такие варианты, как отказ от содержания церквей, смешанные браки с инуитами, усвоения их методов охоты и других полезных навыков даже не рассматривались» [1, с. 366]. Так пришли и голодная смерть, и истребление, а выжить помешали ценности единения.

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ СТАТУС

Ресурсы социального структурирования и интеграции составлены не только групповыми идентификациями, но также определениями и манифестациями *персональных статусов*, которые индивиды получают в группах.

У людей, как у животных, всегда определен «порядок клевания»: кто, в какой мере, и по какой очередности получает доступ к потребным ресурсам. Для кур таким ресурсом могут быть червячки или зерно, а те из них, кто клюет в первую очередь, занимают и верхние жердочки в курятнике, – там и теплее, и блох меньше, и помет сверху не падает. Иерархический (вертикальный) способ размещения и соотношения персональных статусов обычен для животных и сохраняется у людей. Но здесь он дополнен сетевым, горизонтальным, который зачастую служит компенсатором низкой позиции в иерархии, а также составляет основу стратификации, выделения подгрупп и субкультур. Собственно, наличие многообразных сетей приводит к разнообразию иерархий: любая персона встроена во множество иерархий, отличающихся совершенно разными критериями. Низкий статус в одной из них может быть компенсирован высоким – в другой (глупая, но

красивая, старый, но надежный и умелый). Правила взаимодействия и критерии оценок, принятые в разных сетях, вариативны и кардинально противостоят, согласно Мануэлю Кастельсу, порядкам авторитарных иерархий [2]. И все же наиболее распространенными, доминирующими и довольно близкими к универсальным параметрами персональных статусов, которые определяют «порядки клевания» и в сетях, и в иерархиях современных обществ, являются *деньги, власть и известность*.

«Сколько он стоит?» – часто спрашивают о человеке, имея в виду его состояние. Отнюдь не состояние души, ума или здоровья, а финансовое состояние. «Несостоятельным», неудачником считается человек, который не сделал карьеры, не нашел свой прибыльный бизнес. Уже победители древних Олимпиад вместе с лавровым венком получали имущественные льготы, а прежних физкультурников и джентльменов, которые соревновались «из чисто спортивного интереса», ныне прочно сменили профессионалы с их контрактами, страховками и дорогими трансфертами. О деньгах и власти, которая открывает к ним доступ, издавна сказано много метких и справедливых слов. Самая глубокая правда о «золотом тельце», однако, мало затенила его манящий блеск, а абсолютное и настоящее сияние святости ныне ловко переплавлено в суррогат и подделку известности, знаменитости.

Деньги и власть вполне традиционно манифестируют доступность, прежде всего, материальных ресурсов: деньги – как их универсальный эквивалент, а власть – как контроль и право распоряжения ими. Альфа-самцы медведей для контроля над рыбными местами должны обладать физической силой, людям ее заменяют деньги и власть, которые позволяют им владеть и рыбой, и всеми другими вещами. В итоге, увы, персональный статус традиционно определен, прежде всего, вещной атрибутикой, причем разнообразие вещей и объемы нужных для их производства материальных ресурсов быстро растут. Всего за несколько десятилетий, например, главный индикатор статуса бедуина Северной Африки (количество скота) сменился системой показателей, близкой (по ее широте и разнообразию) к параметрам статуса американского фермера или представителя европейского среднего класса.

Усиление доминирования материальных ресурсов и вещной атрибутики вполне очевидно, банально и привычно. Новым, с развитием информационных технологий, стал иной параметр статуса – известность. Ранее и очень долго подразумевалось, что известность следовало непременно заслужить, а незаслуженная «слава Герострата» резко порицалась. Теперь, в современных PR-технологиях, пастернаковское «быть знаменитым некрасиво» и «позорно, ничего не знача, быть притчей на устах у всех» за ненужностью отброшено и забыто. Вовсе не позорно, а желательно и выгодно стать известным, какими бы мелкими или нелепыми не были твои достижения. Постмодернизм санкционирует шокирующие бриколажи и гадкие инсталляции. Скандальная известность во многих случаях даже предпочтительна. Кроме того, для определения статуса важны вовсе не реальные качества личности (не говоря уже о заслугах), а ее искусственно сконструированный имидж. Так даже символический ресурс персонального статуса во многих случаях стал фальшивой подделкой.

Напомню, что все ресурсы, направляемые нами для социального структурирования и интеграции, с ноосферной позиции следует оптимизировать: по

возможности сократить материальные и максимально использовать символические. Насколько же мы способны и готовы в определении персональных статусов довольствоваться символическим капиталом, а не деньгами и вещами? Нужно признать, что во многих случаях героями становятся те люди, которые искусны в делании денег или скандально знаменитые. Орлиное перо в волосах или особая татуировка превратились в эзотерический реликт или смешную декорацию, уважение унижено до лести, полнота общения снижена до поверхностной манипулятивной коммуникации. Карьера стала важнее рождения ребенка, непризнанному гению тщеславия уже мало, значимость уважения к сельскому учителю и земскому врачу все более смещается в сферы ностальгического переживания и тающих воспоминаний.

УПРАВЛЕНИЕ И ОБМЕНЫ

Задачи управления производством и содержания власти в современном мире также требуют значительных расходов преимущественно материальных ресурсов. Их можно подсчитать статистически (по соответствующим статьям расходов национальных бюджетов, по финансовым отчетам корпораций и банков), или достаточно надежно количественно оценить иными социологическими методами. Внушительный их объем становится в ряде нередких случаев (с учетом коррупционных издержек) – шокирующим. В реликтовых потестарных деревенских общинах Новой Гвинеи так называемые «большие люди», мнения которых всеми считается важным, вообще не спонсируются и не имеют никаких имущественных привилегий. Там их странная «власть» бесплатна: для управления и обменов используются только символические, а не материальные ресурсы.

Без менеджмента теперь обойтись, понятно, нельзя, и объективный рост сложности экономики закономерно приводит к росту бюрократии. В США, стране с наиболее либеральной рыночной экономикой, количество управленцев за прошлый век, тем не менее, выросла в 40 раз. Бюрократия склонна к быстрому размножению и без каких-либо внешних и обоснованных побудительных причин, но просто в силу своего «паразитического» (как его именуют многие авторы) характера. Политическое сдерживание роста бюрократии затруднено сильной обратной зависимостью политиков от топ-менеджеров и чиновников. Провозглашаемые в этом отношении хорошие намерения чаще всего вязнут в тихом саботаже и приводят практически лишь к смене одних чиновников – другими.

Разросшаяся и увеличивающаяся сеть бюрократии не только поглощает материальные ресурсы, но зачастую просто обескураживает попавшего в ее паутину клиента требуемыми от него темпоральными издержками. Бюрократические процедуры отнимают у людей слишком (а иногда недопустимо) много времени.

Одной из функций власти ныне является установление правил обмена продуктами труда. Общества во многом определяются и специфицируются принятыми в них процедурами обменов. В гипертрофированном виде эта несомненная зависимость составила даже основу историко-экономической схематики Карла Бюхера, которая господствовала несколько десятилетий, вплоть до 20-х годов прошлого века: три «ступени» хозяйственного развития человечества (натурального хозяйства, городского и капиталистического) в ней выделяются

длиной, продолжительностью и запутанностью путей, которые совершают продукты от производителя к потребителю. Как и всякая схема, она оказалась слишком грубой, но разве любое общество изначально не включает обмены в число своих атрибутивных функций? Раньше, в потестарных обществах, условия экономических обменов устанавливались общинами и оставались стабильными для многих поколений. Теперь эти нормы определяет не общество, а власть (которой беспрецедентно нормируются даже и матримониальные (!) обмены). Кроме того, системы «социальных обменов» (как их называет Леви-Стросс), которые санкционируются властью, с Нового времени стали гораздо мобильнее: развитие капиталистической экономики требует постоянных изменений условий обмена. Благодаря этому экономика, исключая периоды кризисов, действительно растет. Но растут и расходы на процедуры обменов: не только потому, что мы сохраним власть, которая тратит на введение перманентных новаций ее оплаченное нами время, но также, например, введением так называемых «бонусных надбавок» к розничным ценам. С учетом расходов на рекламу, вложенную в цену стоимость бренда, усилий посредников по «запутыванию» продвижения товара, всей логистики и применения многих других инструментов обмена, потребитель, в итоге, оплачивает во многих случаях более половины цены не за сам товар, а за процедуру его презентации и обмена. И эта, по сути, виртуальная составляющая экономики неуклонно растет.

Потестарные и прочие традиционные общества были в этом отношении, опять-таки, гораздо более рачительными. Символическая составляющая «потлача» индейцев Америки или «малаги» в Новой Гвинее была очень весомой, но отнюдь не конвертировалась в материальные ресурсы, в вещи: часто напротив, демонстрировалось нарочитое презрение к ним (их публично выбрасывали, специально ломали). Она выполняла иное, духовное предназначение – поддержания престижа участников обмена, их чести, достоинства, гарантии честности в обмене дарами, в целом, способствовала сохранению «маны», то есть «лица человека» и талисмана богатства и власти, которые ни в коем случае нельзя потерять [5, с. 83-222]. Виртуальная же доля современной экономики изначально конвертирована в деньги, в материальные ресурсы. Кризисы перепроизводства – это, во многом, нехватка средств у потребителей на оплату вложенных в цены раздутых расходов обмена. Финансовые кризисы – следствие хождения колоссальных массивов виртуальных денег (векселей, деривативов, акций и т.д.) и, главное, объемов их конвертации в реальные материальные ресурсы.

Талкотт Парсонс справедливо рассматривает деньги и власть в качестве широко применяемых «языков управления» общественными подсистемами. Мишель Фуко также обращает наше внимание на «вездесущность» власти, силовые поля которой пронизывают весь социум и его дискурсивные практики. Согласно Ролану Барту, индивид оказывается на службе дискурсивных стратегий уже в силу неизбежного факта употребления языка. В подобных глубоких исследованиях, таким образом, открывается и демонстрируется *связность* процессов групповых идентификаций, установления персональных статусов, осуществления управления и обменов, которыми только и достигается социальное структурирование и консолидация.

Ноосферная позиция заметно диссонирует, разве что, с частой расширительной трактовкой «символического»: у Парсонса, например, в поздних работах

символическая спецификация социального действия базируется не столько на общегрупповых ценностях, как в ранних работах, сколько на интеграционной силе символических средств обмена, важнейшими из которых автором полагаются деньги и власть. В определенном смысле власть и деньги, конечно, выполняют символическую роль, но сами они базируются, конвертируются и потребляют отнюдь не символические материальные ресурсы. Именно четкое различение и строгий учет соотношения ресурсов разного вида (материальных, темпоральных и символических), на наш взгляд, имеет ключевое значение в оценке затруднений и перспектив социального и демографического развития.

ЗАЩИТА И БЕЗОПАСНОСТЬ

Наличие и необходимость институтов безопасности в любых обществах вполне очевидны. Пресоциальные формы консолидации также всегда располагают ресурсами обеспечения безопасности. Действительно ли мы можем считать себя более защищенными в сравнении с львиным прайдом или осиным роем, со стадом бизонов или слонов, и во что нам обходится полученная защита?

Люди оказались очень изобретательными в создании разнообразных техник защиты, но они парадоксально предназначены, в кардинальном отличии от пресоциальных средств достижения безопасности, прежде всего, для защиты...от самих себя! Возможно, наша беспрецедентная деструктивная агрессивность является оборотной стороной или платой за присущую только нам постоянную и всеохватывающую творческую преобразующую активность. В таком случае значительные ресурсы, которые мы тратим на защиту, расходуются на право быть собой, в том числе – быть деструктивными. Людям (в отличие от всех других стайных хищников) приходится надевать на себя дорогостоящие «намордники», чтобы они друг друга «не загрызли». Признание этой ноосферной реалии честнее и конструктивнее декларации гордости за человека как «венца Природы». Социальные способы защиты, в которых мы столь увязли и столь преуспели, целесообразно разделить на две группы – силовые и экономические.

К силовым институтам защиты в современных обществах относятся армия и разнообразные правоохранительные структуры: первая предназначена для сдерживания внешней агрессии (хотя нередко инициирует ее или применяется в гражданских войнах), а полиция, суды или пенитенциарные учреждения сдерживают агрессию внутреннюю. И то, и другое требует значительных материальных ресурсов. Формы нашей социальности в значительной мере инициируются и ограничиваются теми средствами защиты, которые полагаются необходимыми. По мнению некоторых историков, европейское государство родилось «из потребности во всеобщем налогообложении для покрытия расходов на оборону», а в свое время именно «разрушительная мощь пушек покончила с институтом города-государства» [7, с. 363-364]. Разработка и производство оружия, оплата создания и содержания военных инфраструктур, содержание военнослужащих много раз в истории составляли львиную долю национальных бюджетов и оказывались непосильным бременем для общества. Крестьянское население воюющих монархий Европы нишало и голодало, нехватка ресурсов для

военного противостояния на острове Пасхи возродила каннибализм, гонка вооружений оказалась одним из факторов коллапса СССР.

Символические ресурсы в этих сферах применять сложно. Расхожая идея неотвратимости наказания за совершенное преступление сможет превратиться из пустой риторики в действующее символическое средство профилактики преступлений только в невероятном случае абсолютной эффективности правоохранительной машины, которая для этого должна быть огромной, парадоксально требовать еще больших материальных ресурсов. Древние и многие традиционные общества, тем не менее, расходы на надзор и наказание изобретательно сокращали. За соблюдением ритуалов и табу, заповедей и норм поведения зорко и неусыпно следил каждый, а пенитенциарные учреждения долгое время вообще отсутствовали. Тяжкие нарушения карались изгнанием из общины (этим преступник обрекался на неминуемую близкую гибель без каких-либо материальных затрат общества на его наказание), а менее серьезные проступки накладывали на человека клеймо позора, падения персонального статуса, обрекали его на долгие насмешки и презрение. Такой способ «реинтегративного пристыжения», как именует криминалист Джон Брайтуэйт древнюю практику общественной обструкции и поношения, очевидно и эффективно опирается лишь на символические ресурсы [10, с. 408]. Феномен браконьерства, например, от которого сегодня страдают многие страны и регионы, в прежних условиях надзора и наказания не был известен ни охотникам бушменам, ни земледельческим и рыбацким общинам бассейна Волги. Уличная преступность, по данным социологов, повсеместно заметно растет, как только жители отходят от дел во дворах и посиделок на лавочках в изолированные квартиры. Глаза и окрик человека теперь заменяют дорогостоящие камеры слежения и сирены патрульных машин.

Ни в коей мере не идеализируя былых способов «надзирать и наказывать» (среди них встречаются просто ужасные), все же нужно признать, что в них доля символических и темпоральных ресурсов более успешно, чем в современных условиях, замещала ресурсы материальные. Тысячелетиями пленников и заключенных никто никогда не кормил: они зарабатывали на еду своим трудом – в каменоломнях, рудниках, на плантациях, лесосеках и галерах. Машины (на которые пошли материальные ресурсы) сделали этот труд ненужным, и теперь мы вновь расходует материальные ресурсы, чтобы кормить тех, кого уж в первую очередь следовало бы заставить заработать на еду своим трудом. Увы, заставить нельзя: права человека не позволяют! Как видим, символика здесь не замещает ресурсов других видов, а расходует их.

В делах армейских контроль материальных ресурсов практически осуществляется стратегией достаточной необходимости. В древних обществах обычное оружие охотников в основном совпадало с военным, а привычные охотничьи навыки были достаточны для ведения военных действий. Теперь на производство военной техники специально работает целая индустрия, а для подготовки особой «касты» современных воинов необходимы дорогостоящие и долговременные программы. Прежде военные технологии были приложением охотничьих, теперь интернет, мобильная связь и космические программы оказались приложениями военных технологий. Необходимость инноваций в сфере современного оружия фактически оказалась выше, чем стремление обновления

«мирной» техники. Причем военная техника, произведенная в колоссальных объемах, быстро стареет и утилизируется (или за бесценок поставляется то ли союзникам, то ли возможным противникам). Вряд ли будет преувеличением сказать, что мы, озабоченные внешними угрозами собственной безопасности, попали в ловушку, в которой инновационные приоритеты перекошены и где образовалась воронка, в которой бесследно исчезают огромные материальные ресурсы.

Доля же символических ресурсов здесь весьма незначительна, хотя в некоторых ситуациях именно они первостепенно важны и эффективны. Военная хитрость, победить «не числом, а умением» издавна приносили пользу и были почитаемы. Однако ими достигается ситуативный перевес (например, внезапного удара) именно в материальных ресурсах. Из умения их сосредоточить часто складывается и цена, и сама возможность победы, но общее «уравнение» военного успеха все же имеет главными параметрами соотношение материальных ресурсов. Эффективным символическим ресурсом в этой сфере является также блеф, который, если он не раскрыт вражеской разведкой, способен предотвратить агрессию или принудить к покорности. Успешно применяемый издавна, сегодня, с созданием оружия массового поражения «карманных» форматов, блеф обретает масштабы апокалипсического вызова. Чтобы отпугнуть шакалов, тасманиец должен казаться крупнее, выше ростом, – для чего водружает на голову и плечи попавшуюся под руку ветку или корягу. Слух о ядерной бомбе в дипломате – средство из того же древнего арсенала. Членство в «ядерном клубе» действительно оказывается существенной и привлекательной символической гарантией безопасности (уже потому он неизбежно будет расширяться), но самая захудалая нужная для пропуска туда бомбочка обходится, понятно, дороже гнилой коряги.

Экономические способы защиты вообще всецело базируются на использовании материальных ресурсов. Они призваны обеспечить занятость населения, наладить разделение труда и обмен его продуктами. Продовольственная или энергетическая безопасность страны зачастую означают необходимость поддержки экономически заведомо нерентабельного отечественного производства в целях избавления от внешней зависимости. Чтобы повысить производительность труда и так остаться конкурентоспособным, хозяйствующим субъектам наряду с государством приходится вкладывать ресурсы в науку и технологии. С желанным и достигаемым ростом производительности труда рабочая сила высвобождается, а создание новых рабочих мест и миграции требуют новых существенных инвестиций в производство и в создание инфраструктур. Скверы и метро, карьеры, заводы и космодромы – это наши, людские средства совместной жизни, плата за возможность консолидации, от которой, понятно, свободны все иные, пресоциальные объединения животных и насекомых.

В целом, обеспечение защиты и безопасности, осуществление групповых идентификаций, поддержка персональных статусов, организация управления и обменов (всех этих неперенных способов социального структурирования и интеграции) ныне требует колоссальных материальных ресурсов. В древних обществах красное перо в волосах и татуировка на лбу могли заменить яхту, лимузин и дворец. Любая пресоциальная консолидация была бы обречена на неминуемую гибель в гипотетическом случае стремления повторить человеческий

опыт расходования ресурсов за возможность жить вместе, стаей. В существенном демографическом отношении, которое ноосферным ракурсом выдвинуто на первый план, все вытраты на социальное структурирование и интеграцию имеют только прикладной характер сопутствующих и чрезмерно раздутых «накладных расходов». Они всегда были и будут необходимы, но сегодня уже, де-факто, отнимают ресурсы демографического развития.

ВИТАЛЬНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ

Поиск и добыча того, что нужно для еды, питья и жилья составляет главную заботу животных. В их балансе потребляемых ресурсов удовлетворение этих витальных потребностей отчетливо доминирует. Человеку с древности, кроме еды, питья и жилья нужны также ресурсы для изготовления одежды (своей-то шкуры нет), а с некоторых пор – и на здравоохранение. Жизнедеятельность людей непосредственно поддерживается удовлетворением именно этих потребностей, и только опосредованно и косвенно – теми ресурсами, которые мы расходует на создание общества.

Животные затем и сбиваются в стаи, чтобы совместными действиями обеспечить популяционное благополучие, свои витальные потребности: они в биосфере безапелляционно главные, а расходы на консолидацию – второстепенны и незначительны. У людей, напротив, демографический рост уже не коррелирует с мощностью витальной базы, а часто находится с ней в обратной зависимости. Расходы же на социальное структурирование – огромны, а по достижению некоторого терпимого населением уровня витального обеспечения немедленно получают явный приоритет.

Для удовлетворения витальных нужд используются, конечно, природные ресурсы, но в значительной мере люди уже перешли на ресурсы аутотрофные: искусственно созданные сорта растений и породы животных, на композитные материалы и синтетические соединения. Витальное обеспечение поддерживает мощная и разветвленная индустрия, для которой наличие, например, поголовья диких бизонов в прериях перестало быть существенным. Мы давно переселились в «искусственные пещеры» и даже зачастую осуждаем людей, которые носят шубы из натурального меха.

Технологии аутотрофного синтеза, однако, при существующих способах социальной консолидации вовсе не сняли проблему обеспечения витальных запросов: они по разным причинам не удовлетворены для очень многих людей. По данным ООН, более миллиарда жителей нашей щедрой планеты хронически недоедают, а не менее миллиона неизменно на протяжении последних десятилетий оказываются близкими к голодной смерти. Уровень здравоохранения в большинстве стран удручающе низок. Но и в самых неблагополучных обществах расходы на социальное структурирование и консолидацию урезаются отнюдь не в первую, а в последнюю очередь, – от безысходности.

Проблема оптимизации баланса ресурсов, необходимых для самой жизни, и неизбежных накладных расходов на содержание структурных скреп общества, к сожалению, никем не ставится. Вместо нужных расчетов и прогнозов привычна практика стихийного балансирования: масштабы изъятий ресурсов из витальной

сферы растут до тех пор, пока ситуация не взрывается массовыми протестами или, в лучшем случае, пока элиты, опасаясь «доводить до крайности», не умеряют своих амбиций и appetитов под лоббистским давлением гражданского общества. Озабоченность фактом депопуляции эндогенного населения «развитых» стран фактически привела только к полезному введению специальных программ бюджетной поддержки многодетных семей и матерей-одиночек, но также пока не выросла из практики подобных паллиативных мер стихийного балансирования в более зрелую и глубокую постановку проблемы соотношения ресурсов.

ИНКУЛЬТУРАЦИЯ: РЕСУРСЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ

Ресурсы демографического обеспечения используются не только для удовлетворения витальных потребностей. Они также нужны для того, чтобы воспитать новое поколение, привить принятые нормы поведения и ценностные ориентиры, дать образование и профессиональную квалификацию. Не только «прокормить» ребенка, но и, как обычно говорят отечественные ученые, «социализировать» его. Термин «инкультурация» (который используется заметно реже) предпочтительнее, он шире и точнее: вхождение в культуру подразумевает и непременно включает в себя инкорпорацию в общество, тогда как поиск и достижение своего места в обществе отнюдь не всегда, как это наблюдается, сопряжен, например, с процедурами ознакомления человека с произведениями искусства. Социализация – это составная часть инкультурации, бесспорно, атрибутивная и во многих отношениях важнейшая, но только и именно – ее часть.

Разницу между материальными ресурсами витального обеспечения и символическими ресурсами инкультурации Эрих Фромм изящно обозначил символами «молока» и «меда». Телу ребенка нужно «молоко» материнской заботы, а его душе – «мед» ее любви. Конечно, арсенал инкультурации, помимо «меда» нежности и похвалы, включает в себя (продолжим метафоры) «деготь» взыскательной требовательности, к которой ребенок вплоть до достижения зрелого возраста относится негативно, и «море» времени, которого он от нас с настойчивой назойливостью добивается или с тихой шемящей тоской ожидает.

Нехватка темпорального ресурса для инкультурации – типичная черта современных обществ. В традиционных обществах детям уделяется гораздо больше времени. Продолжительность рабочего времени за все время существования человечества достигла пика вовсе не в давние времена с их низкой производительностью труда, а к началу XX века. Современные стрессовые нагрузки выполнения должностных обязанностей и временные затраты на перемещения по маршруту дом-работа в лучшем случае заставляют выбирать между необходимостью релаксации (с пивом и телетрансляцией футбольного матча) и просьбой сына помочь ему решить арифметическую задачу. Но зачастую и этого выбора нет, а остается только полюбоваться спящим ребенком, который так папу и не дождался. Вместо времени, посвященного детям, родители накапливают шемящий груз невыполненных обещаний и иронизируют по поводу собственных приоритетов распределения темпорального ресурса – «щас, все брошу...»

Между тем, современная инкультурация требует значительно больших ресурсов, чем прежде. В пресоциальных формах кошке, скажем, достаточно нескольких месяцев, чтобы научить котенка охотиться. В древних обществах ритуал инициаций (посвящения во взрослые) совершался в возрасте 12-14 лет. С 15 лет

начинали работать или сочетались браком еще в Новое время. И только во второй половине XX века общеобязательная для многих стран программа школьного образования достигла 12 лет, а на получение образования более высокого уровня нужно еще 5-7 лет. В итоге инкультурация часто затягивается до 25-летнего возраста (уже совсем не ребенка и не подростка), что превышает среднюю продолжительность жизни человека, коей она была на протяжении большей части его истории. О современной «цене» инкультурации можно судить, например, по некоторым экономическим подсчетам, согласно которым смерть среднестатистического американца, который вырос и получил образование, но еще не внес свой вклад в экономику, обходится государству приблизительно в 5 миллионов долларов [1, с. 695].

Факторы беспрецедентного ресурсного скачка инкультурации и ее временного интервала укоренены в непрерывности новаций, которые несет с собой техногенная цивилизация. Объемы необходимых для взрослой трудовой жизни знаний весьма велики и продолжают стремительно расти, удваиваясь, как правило, менее чем за десятилетие, а в некоторых областях и за три года. Родители уже не в состоянии, как прежде, обеспечить своими ресурсами весь процесс инкультурации своих детей. К тому же он фактически то и дело, вплоть до пенсионного возраста человека, возобновляется в связи с необходимостью освоения новаций, сохранения должного профессионального уровня. Прибавьте к этому нередкую необходимость переобучения, связанную с миграциями, с автоматизацией, с новыми технологиями, которые вытесняют с рынка прежнее производство, заводы, рабочие места, а часто и целые профессии. Еще сто лет назад, например, сельским хозяйством во многих странах занималось 75% населения, сейчас – менее 15, а в ряде стран производительность сельскохозяйственного труда такова, что 2-3% имеющихся там фермеров вполне достаточно, чтобы прокормить всю страну. Почти во всем мире деревни закономерно пустеют, прежние умелые крестьяне обращаются поначалу в низкоквалифицированную рабочую силу, а путь от дворника и подсобного рабочего к мастеру своего нового дела – это путь новой инкультурации. Понятно, что родители тут уж вовсе не причем: задача инкультурации перестала быть только семейным делом.

Но какова в ней все же доля семьи, как люди определяют уровень оправданных своих расходов на инкультурацию детей? Ведь именно семья (а не государство или фирмы, которые также поддерживают инкультурацию) принимает судьбоносное в прямом и главном смысле этого слова решение: «а можем ли мы себе позволить еще одного ребенка?»

Пространство принятия решения конституировано двумя «полюсами»: *минимально необходимым уровнем* затрат (на обеспечение в основном первичных биологических потребностей ребенка) и *престижным максимумом* расходов на инкультурацию своих детей, который демонстрируют VIP-персоны. На нижнем уровне (вспомним классику литературы) – орава голеньких здоровых малышей, которые ползают по чистому глиняному полу, подбирают и едят свежесваренные бобы, которые сыплет вниз, не глядя, беззаботная и веселая их мать. На верхнем – соска с бриллиантами, няни, репетиторы и Принстон. Мудрецы часто говорили, что человеку нужно очень многое, но способен он обойтись очень немногим. Эта замечательная формула теперь почти забыта, и ею пользуются только те редкие люди, которые не руководствуются кодом предостережения «плодить нищих». С другой стороны, соска с бриллиантами – это уже чересчур: «зачем она младенцу? Чтобы сын школу закончил, я уж позабочусь, а дальше – пусть работает и сам

пробивается». В итоге формируются некие *социальные стандарты* достаточных и приемлемых расходов на инкультурацию, действующие в определенное время в определенных странах и в определенных социальных подгруппах. Ими реально и регулируется количество детей в семьях.

В первом приближении (без учета социального расслоения и уровней дохода разных страт) стандарт инкультурации равен среднему душевому уровню расходов на личное потребление. Родители естественно обеспечивают своему ребенку тот уровень жизни, которым живут сами. Вопрос о новом ребенке – это всегда (по меньшей мере, отчасти, а зачастую и в основном) «бухгалтерский» вопрос о разнице между реальными семейными доходами и расходами, которые определяются принятым стандартом.

Согласно данным государственной статистики США, в 1965 году доход на душу населения составил 14792 \$, а расходы на личное потребление (т.е. стандарт инкультурации) – 9257 \$. Разница между ними (5535 \$) пополняла банковский счет или могла быть предназначена новому ребенку, но она составляла только около 60% от нужного стандарта. Однако прибавление в семье, и экономически, и психологически, оказывалось вполне возможным, если в ней работали два человека. «А что, пусть будет маленький! Справимся, еще и отложить на черный день можно будет пару тысяч».

Аналогичный расчет в 1995 году приводит воображаемых среднестатистических родителей к противоположному выводу. Разница между душевым доходом (25615 \$) и расходом (17403 \$) составляет уже менее половины (47,2%) от выросшего за тридцать лет стандарта инкультурации. Даже когда в семье работают двое, они уже не могут обеспечить нового ребенка «должным и достойным образом. Разве что с большим трудом наскребем, а о каких-либо нужных накоплениях тогда и думать будет нечего». Так вердикт уже фактически вынесен, приговор будущей несостоявшейся жизни будет вот-вот «подписан». А если еще учесть резкий рост количества неполных семей, учесть оправданные ожидания будущего роста стандарта инкультурации (достойного уровня жизни), а также принять во внимание меньшую стабильность всей жизни, ее непредсказуемую динамику, когда наличие растущего банковского счета зачастую становится для человека необходимым компенсатором его тревожности! В итоге от бывшего бэби-бума вполне естественно и закономерно остались одни воспоминания.

Чем успешнее в экономическом отношении общество, чем заметнее рост доходов людей, тем быстрее растут их личные расходы, и, значит, становится выше стандарт инкультурации. Условием устойчивости тренда роста экономики является рост потребления, которое поэтому искусственно стимулируется, и за последнюю треть XX века (как показала статистика) в США росло быстрее доходов. Завышенный таким путем стандарт инкультурации привел к депопуляции эндогенного населения.

Выводы. Проведенные выше простые расчеты, понятно, носят чисто иллюстративный характер: для надежного прогнозирования и эффективного регулирования демографических процессов нужен гораздо более детальный учет стандартов инкультурации разных страт, факторов их становления и изменения. Парадокс состоит в том, что при всей остроте демографических проблем этим никто не занимается! Вышеприведенные цифры мною взяты не непосредственно из «Statistical Abstract of the United State», а из книги Ф. Фукуямы, который использует эти данные всего лишь для демонстрации несостоятельности и без того сомнительной гипотезы о том, что причиной «Великого Разрыва» явилась

бедность [10, с. 96]. «Оптика» ноосферного ракурса позволяет заметить, таким образом, некоторые действительно важные вещи, которые иначе остаются необнаруженными, успешно ускользая от самого опытного и профессионального взгляда. Перечислим их в заключение, чтобы подытожить статью.

- Общества людей, как и все пресоциальные формы консолидаций фауны, для своего существования нуждаются в ресурсах. Устойчивость достигнутых балансов потребления материальных, темпоральных и символических видов ресурсов является условием популяционного благополучия.
- Потребляемые ресурсы расходуются людьми на социальное структурирование и интеграцию, а также на демографическое обеспечение – для удовлетворения витальных потребностей и инкультурацию. Затраты на групповые идентификации, на поддержку и демонстрацию персональных статусов, на управление, обмены и обеспечение безопасности (эта номенклатура средств социального объединения может быть разработана детальнее, дополнена и уточнена) весьма значительны, хотя только косвенным образом способствуют демографическому благополучию. Животные расходуют на свои пресоциальные формы объединений гораздо меньшую долю потребляемых ими ресурсов.
- Превышение допустимого уровня потребления материальных ресурсов для поддержки социальных консолидаций составляет угрозу демографическому благополучию и способно привести общество к гибели. В сравнении с традиционными обществами, современные характерны негативной тенденцией слабого привлечения символических ресурсов, их замены – материальными.
- Демографическое благополучие зависит также от действующих социальных стандартов инкультурации: в прямой зависимости от них находится насыщение витальных потребностей (уровень жизни), но в обратной – демографический рост.

Список литературы

1. Даймонд, Дж. Коллапс. Почему одни общества выживают, а другие умирают / Даймонд, Дж. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. – 762 с.
2. Кастельс, М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под редакцией В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. – 640 с.
3. Кригер Барбара Розвиток людини в контексті еволюції біосфери // Личковах В.А. Слов'янський Сасит – скарбниця Європи: наукові та публіцистичні праці із славістики, україністики, культурологічної регіоніки / Кригер Барбара. – Чернігів: Чернігівський національний педагогічний університет, 2010, – С. 129-134.
4. Крисаченко В.С. Динаміка населення: популяційні, етнічні та глобальні виміри: Монографія / Крисаченко В.С. – К.: НІСД, 2005, – С. 88-90.
5. Мосс, М. Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / Мосс М. – М.: «Восточная литература» РАН, 1996, – С. 83-222.
6. Новейший философский словарь. – Минск: Издательство «Интерпрессервис», «Книжный дом», 2001, – С. 709.
7. Осборн, Р. Цивилизация. Новая история Западного мира / Осборн Р. [пер. с англ. М. Колопотина]. – М.: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2008, – С. 363-364.
8. Сагатовский В.Н. Ноосфера: понятие и мировоззренческий идеал // Движение к ноосфере: теоретические и региональные проблемы / Сагатовский В.Н. – Симферополь, СГУ, 1993, – С. 7-11.
9. Тоффлер, Э. Третья волна / Тоффлер Э. [пер. с англ.]. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002, – 781 с.

10. Фукуяма Ф. Великий разрыв / Фукуяма Ф. [пер. с англ. под общ. ред. А.В. Александровой]. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003, – 474 с.

Шоркін О.Д. Суспільство у ноосферному ракурсі // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філософія. Культурологія. Політологія. Соціологія. – 2011. – Т. 24 (63). – № 2. – С. 287-309.

У роботі формується ноосферний підхід до проблеми співвідношення ресурсів демографічного розвитку і соціальної інтеграції.

Ключові слова: баланс ресурсів, символічні ресурси, соціальні стандарти інкультурації.

Shorkin A.D. Society in noospherical foreshortening // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2011. – Vol. 24 (63). – № 2. – P. 287-309.

The noospherical approach to the problem of correlation of resources of demographic development and social integration is formed.

Keywords: balance of resources, symbolic resources, social standards of inkul'turacii.

Статья поступила в редакцию 20.11.2010